

Григорий
Тульчинский

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА

особенности и перспективы

Григорий Тульчинский

**Российская политическая
культура. Особенности
и перспективы**

«Алетейя»

2015

УДК 323.2
ББК 66.3(2Рос)6

Тульчинский Г. Л.

Российская политическая культура. Особенности и перспективы /
Г. Л. Тульчинский — «Алетейя», 2015

Систематически рассматриваются ценностно-нормативное содержание российской политической культуры, источники и этапы его формирования. Специальное внимание уделяется советскому цивилизационному эксперименту, перспективам современной российской политической культуры. Рассчитана на студентов бакалавриата и магистратуры, специалистов и всех, интересующихся отечественной историей, состоянием и перспективами развития российского общества.

УДК 323.2
ББК 66.3(2Рос)6

© Тульчинский Г. Л., 2015
© Алетейя, 2015

Содержание

Предисловие	6
1. Политическая культура: значение и подходы к изучению	8
Понятие и роль политической культуры	9
Традиционная типология политических культур, ее критика и модификации	14
Ценностно-нормативная модель социогенеза и политические культуры	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Григорий Тульчинский
Российская политическая культура.
Особенности и перспективы

© Г. Л. Тульчинский, 2015

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2015

Рецензенты: доктор политических наук, профессор *О. В. Попова* доктор
культурологии, академик, профессор *В. А. Сулимов*

Предисловие

Политическая культура – один из наиболее дискутируемых концептов современных политических наук, теории и философии культуры. Особенно жаркие споры вызывает отечественная политическая культура, в первую очередь – ее потенциал и перспективы. В этом плане разброс мнений достигает полярности: от уникальности и чрезвычайной перспективности российской политической культуры – до ее исчерпанности.

Аналогична ситуация и в учебно-методическом плане. Тематика политической культуры представлена разделами (главами и параграфами) в учебниках по политологии, культурологии и социологии культуры, в которых политическая культура рассматривается в контексте практик политического участия, роли личности в политике, психологии поведения, т. е. преимущественно в качестве мотивационного фактора. Иногда авторы ограничиваются описанием политических культур исторического прошлого или своеобразия политических культур различных стран. Из работ, посвященных особенностям российской политической культуры, в этой связи следует отметить книгу Ю. С. Пивоварова «Политическая культура пореформенной России» (М.: ИНИОН РАН, 1994), публикацию очень содержательной дискуссии «Куда ведет кризис культуры?» (М.: Либеральная миссия, 2011), в которой принимали участие А. П. Давыдов, И. М. Клямкин, А. В. Тихонов, И. А. Яковенко и другие видные отечественные исследователи и эксперты.

Ни в коей мере не оспаривая содержание и значение этих и ряда других работ, а наоборот – в соответствующих разделах, по возможности, отсылая к ним, автор данного текста позволил себе сделать акцент на нескольких аспектах, которые хотелось бы оговорить.

Во-первых, в данной работе делается акцент на ценностно-нормативных аспектах социогенеза, что позволяет не только рассматривать динамику политической культуры, ее роль в развитии общества, но и позволяет не противопоставлять различные концепции и подходы (либерализм и коммунитаризм, марксизм и корпоративизм, институционализм и солидаризм, рационализм и постсекуляризм и проч.), рассматривать их как не исключающие, а взаимодополняющие друг друга, раскрывая их возможности в зависимости от исторической и конкретной политической ситуации в конкретном обществе. Это позволило нам опереться на результаты международной программы World Value Survey (WVS), в рамках которой на протяжении почти 40 лет отслеживалась динамика ценностей в более чем 80 странах и на данных которой Р. Инглхарт и его коллегами была построена модели человеческого развития, на ряд других авторитетных международных исследований, таких как «Culture matters», исследования Г. Хофстеде, Р. Льюиса, органично использовать их результаты в контекст учебника.

Этот нормативно-ценностный подход позволил, во-вторых, как представляется уйти от понимания политической культуры как преимущественно ментального (психологического) феномена, показать ее объективное институциональное содержание и значение. Политическая культура систематически рассматривается как проявление социогенеза, в контексте его ценностно-нормативного, институционального содержания. Особое внимание при этом уделено факторам, определяющим формирование и развитие политических культур, что открывает возможность не только учитывать роль политической культуры в процессе выработки и проведения реформ, но и управления развитием самой политической культуры, ее связь с национальными и корпоративными деловыми культурами, что весьма плодотворно для осмысления политической культуры на макро— и микро-уровнях рассмотрения.

И, наконец, в-третьих, такой подход открывает возможность систематического осмысления политического развития российского общества, история и современность которого является удивительно богатным материалом для использования практически всей палитры концептуального аппарата, развитого современной политической мысли.

Содержание данной книги во многом является дополнением и развитием двух работ «Политическая философия» (М.: Юрайт, 2014) и «Политическая культура» (М.:Юрайт, 2014), выполненных под общей редакцией автора. Поэтому данная работа рекомендуется в комплексе у этими книгами.

Ряд основных идей относительно особенностей содержания и судьбы российской культуры был сформулирован автором ранее в работах: «Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы» (СПб: РХГИ, 1996); «Свобода и смысл. Новый сдвиг гуманитарной парадигмы» ((Российские исследования в гуманитарных науках. Том 16). Lewiston-Queenston-Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2001); «Постчеловеческая персонология. Новые перспективы свободы и рациональности» (СПб: Алетейя, 2002), а также журнальных публикациях. Без публикаций в таких периодических изданиях, как «Вопросы философии», «Культура и семиозис», «Публичная политика», «Философские науки», «Человек. ru», «Journal of Russian Communication» и других ряд авторских идей, используемых в данной работе, не прошел бы научную апробацию.

Искренняя авторская признательность Российской ассоциации политических наук (РАПН). Конгрессы, конференции и симпозиумы, организуемые РАПН и при ее поддержке, всегда отличаются высоким теоретическим уровнем и широкой палитрой обсуждаемых вопросов, что весьма помогло дать максимально возможный обзор современных точек зрения, позиций и подходов к осмыслению роли и значения политической культуры в современном обществе, специфики российской политической культуры.

Автор также благодарен своим коллегам по кафедре прикладной политологии НИУ Высшая школа экономики (Санкт-Петербург), студентам – бакалаврам и магистрантам, принимавшим активное участие в семинарах и коллоквиумах, на которых обсуждались многие идеи, представленные в книге, что позволило более точно расставить акценты.

1. Политическая культура: значение и подходы к изучению

Понятие и роль политической культуры. Традиционная типология политических культур, ее критика и модификации. Ценностно-нормативная модель социогенеза и политические культуры.

Понятие и роль политической культуры

В теории культуры давно отмечается обилие подходов к трактовке феномена культуры – факт хорошо известный гуманитариям. Однако все это разнообразие определений можно свести к нескольким группам. Прежде всего, это «ценностное» понимание культуры, при котором под культурой понимается совокупность материальных и духовных ценностей народа или человечества в целом. Действительно, ни одно общество не может существовать и развиваться без накопления опыта предшествующих поколений, ибо только на их основании становится возможной жизнь последующих. Согласно другому – «деятельностному» («технологическому») – подходу, культура есть способ жизнедеятельности. Все люди спят, едят, трудятся, любят, но в каждом обществе это делают по-своему. Именно «быт и нравы», или принятые в данном сообществе способы, осуществления жизненных актов понимаются здесь как выражение конкретной культуры. В «деятельностно-технологическом» понимании к культуре относятся и такие сомнительные, с точки зрения ценностного подхода, явления как, скажем «культура преступного мира», «технология» средств массового уничтожения. Существует и третье понимание, когда культурными признаются не все без исключения способы осуществления жизнедеятельности, а только такие, которые способствуют развитию, совершенствованию и возвышению человека.

«Ценностный», «деятельностно-технологический», «человекотворческий», каждый в чем-то по своему справедлив, поскольку акцентирует внимание на разных, но, в то же время, действительно важных сторонах культуры. Особый интерес представляет предложенное Ю. М. Лотманом определение культуры как «внегенетического механизма наследования социального опыта». Действительно, в отличие от животного, поведение человека программируется не только и не столько генетически, сколько социально-культурно. Поведение животного регулируется инстинктами, то есть является врожденным, полностью заданным каждому животному и каждому виду животных генетически. Животное, а точнее – вид, выживает за счет того, что он уже «заранее» приспособлен жизни в определенной среде. Если же среда меняется вид может сохраниться только за счет изменения генотипа (мутации). Человек, не меняясь как биологический вид, он изменяет саму окружающую среду, как бы заставляя ее «мутировать» в нужном ему направлении: он заменяет природную среду искусственно создаваемой культурной средой, превращая природу в культуру. Но, оказываясь в новой, им самим созданной среде, человек испытывает на себе ее обратное воздействие. Его собственное «творение», в свою очередь, начинает изменять его самого – но уже не как вид, а как личность.

В этом плане, обобщая упомянутые подходы, *культуру можно понимать как систему порождения, накопления, хранения, передачи социального опыта.*

Культура упорядочивает деятельность человека тем, что фиксирует конкретные нормы – правила этой деятельности по достижению целей. Последние могут быть конкретными, выражающими представления о желаемом результате, а могут и выражать представления о нереализуемом полностью, но желаемом идеале (истины, добра, красоты, свободы, святости). В обоих случаях речь идет о материальных и духовных ценностях – образцах желаемого должного. Ценности – не предметы, не вещи, а их значения для человека и общества. Мир ценностей – мир значений. Здание – памятник культуры, книга – ценности не в силу их материальной вещественности, а в силу того значения, которое они имеют для социального опыта и памяти о нем. Ценностные установки и ориентации определяют стремления и намерения людей. Их реализация предполагает деятельность, осуществляемую по каким-то правилам, образцам – тем же нормам, определяющим социально приемлемые средства и способы достижения целей. Наиболее развитой формой норм являются институты, к динамике формирования и развития которых мы еще вернемся.

Ценности и нормы образуют единые комплексы – нормативно-ценностные системы. В основе любой сферы человеческой деятельности мы можем обнаружить такую нормативно-ценностную систему. Деятельность всякого социального института от религиозной секты до Академии наук, от политической партии, до семейного круга строится на том или ином нормативно-ценностном фундаменте. Именно в нем аккумулируется социальный опыт, который есть не что иное как совокупность определенных программ эффективной (результативной) целесообразной деятельности.

Культура, таким образом, предстает совокупностью нормативно-ценностных систем, действие которых закрепляется в многообразных формах вовлечения человека в социально упорядоченную деятельность. Формы такого вовлечения достаточно многообразны. Это и детские игры, и личный пример окружающих, прежде всего – родителей, и обучение (школьное и профессиональное) – все то, из чего складывается личный опыт личности. Итогом этого процесса и является социализация личности – формирование социального субъекта, способного к активной продуктивной деятельности.

В определенном отношении культура напоминает игру. Игра вообще имеет в культуре важнейшее значение. Важность этой свободной, вроде бы необязательной, несерьезной деятельности трудно переоценить. В играх усваивает первоначальный жизненный опыт ребенок. Игры взрослых не только связаны с досугом, отдыхом, развлечениями. Широкое применение имеют обучающие игры, деловые игры как метод принятия решения.

Художественное творчество включает в себя явно выраженный игровой компонент. Политика, бизнес во многом имеют соревновательный (игровой) характер. Конфликты, переговоры, даже войны содержат в себе игровые моменты. Религиозные ритуалы, придворный церемониал, дипломатический и бытовой этикет, все это происходит по правилам, представляющимся совершенно естественными их участникам, но с точки зрения постороннего наблюдателя могут показаться какими-то непонятными играми взрослых, серьезных людей. Все мы постоянно, удачно и не очень, играем какие-то социальные роли: ребенка, родителя, товарища, пассажира, покупателя, продавца и т. п. И вообще, как известно: что наша жизнь? – игра!

Что характерно для игры? Прежде всего, любая игра условна, осуществляется по каким-то правилам, о которых играющие договариваются специально или они должны быть им заранее известны и, пусть даже и молчаливо, приняты. Любая игра ограничена в пространстве и времени. Игра имеет какие-то границы, место: арена, площадка, стадион, стол... В нее можно войти, а можно выйти. Игра начинается, длится, заканчивается – имеет границы во времени. У каждой игры имеется свой сюжет, завязка, интрига, завершение, итог. Игра вызывает напряжение, требует мобилизации физических, интеллектуальных, духовных сил. Она увлекает человека, способна доставить ему удовольствие и удовлетворение. Игра предполагает успех или неудачу, соревновательность. Каждая игра творит свой порядок, осуществляется по правилам и требует послушания этим правилам, их соблюдения. Тем самым игра объединяет, создает сообщества. Одновременно игра отделяет играющих от «непосвященных», создавая даже иногда атмосферу секретности. В игре выражаются способы деятельности и осмысления действительности, человека, его возможностей и целей.

Все эти характеристики применимы и к культуре, к человеческой жизни в целом. По отношению к самым серьезным вещам всегда можно найти какую-то внешнюю, стороннюю позицию, когда они предстают игрой. Но тогда – существует ли что-то «всерьез», не игра? Ответ на такой вопрос, фактически есть вопрос личностного самоопределения, смысло-жизненный выбор личностью ценностной позиции, задающей смысл его существования, с которой он оценивает себя и действительность всерьез. Другими словами, «игры», которые кем-то играют всерьез, составляют содержание его идентичности, самоопределения. Если признать, что игра – понятие более общее, чем культура, то можно сказать, что игра – «инстинкт» культуры, тогда как культура – «сознание» игры.

Культура «предлагает» человеку определенные программы деятельности, в которых человек осваивает действительность. Она как бы очерчивает горизонт этой действительности, показывая человеку, что он может желать в этой жизни и какие средства удовлетворения этих желаний могут быть доступны ему в его положении. А поскольку человек осмысляет мир только в контексте своей деятельности и ее программ, то культура очерчивает границы и осмысленного (имеющего значение и понятного) мира человека, «рисует» ему определенную картину этого мира. Такая «картина мира», система взглядов, мировоззрения и миропонимания является основанием отличия одной культуры от другой. Эта картина мира выражается и закрепляется в мифах, религиозных верованиях, философских учениях и научных теориях.

В свете сказанного ***политическую культуру можно рассматривать как механизм порождения, сохранения и трансляции политического опыта.***

Если политика – деятельность, связанная с властными отношениями (принципами, нормами, институтами), гарантирующими жизнеобеспечение и развитие общества, то, вне зависимости от конкретной политической системы и исторической ситуации, реализация политического опыта предполагает решение вопросов о власти, жизнеобеспечении общества, а значит – проблем безопасности, развития, справедливого порядка, регулирующего реализацию интересов социальных акторов. При этом следует различать политику (policy), как конкретное решение, программу действий по решению проблем, реализации интересов, как конкуренцию различных идей, целей, интересов, например, в связи с легализацией нового закона, нормы, положения, и политику (politics) – как борьбу за получение и удержание власти.

При этом, однако, центральным, системообразующим политический опыт является феномен и идея власти, которая не сводится к формированию и развитию государства. Политическое существовало до возникновения государства, оно проявляется в отношениях между различными организациями, в гражданском обществе, в межличностных отношениях.

Таким образом, политическая культура включает в себя целый ряд компонентов:

- политические институты, включая собственно политическую систему государства, порождения и функционирования законодательной, исполнительной и судебной власти, политических партий и групп интересов, процедуры принятия политических решений, политической самоорганизации гражданского общества.

- политическое поведение, включая формы политического участия, профессиональной политической деятельности, традиции, практику правоприменения, разрешения конфликтов;

- политическое сознание, совокупность политических идей, знаний, убеждений, представлений, мнений.

Человек как социальное существо не принадлежит абстрактному обществу вообще. Его социальность всегда реализуется в конкретных общностях: семье, дворовой компании, компании школьных сверстников, трудовом коллективе, профессиональной группе. И для каждой из таких общностей характерны свои нормы, ценности, традиции и герои, предания и легенды, нередко – язык или жаргон. Культура всегда предстает не монолитным единством, а единством многослойным, многоукладным, наполненным пестротой быта нравов, обычаев. Люди всегда входят в некие профессиональные, возрастные, региональные и прочие сообщества, образующие «субкультуры». Субкультуры, выступая промежуточным звеном между личностью и обществом воздействуют на сознание человека, на его эмоциональную жизнь. В этом процессе огромную роль играют образцы, личный пример, подражание, формирующие представления о допустимом и недопустимом, правильном и неправильном, справедливом и несправедливом, честном и бесчестном.

Политическая культура реализуется на нескольких уровнях: как национальная политическая культура, как региональные политические культуры и как политические субкультуры, различающиеся, прежде всего, в зависимости от политических взглядов, убеждений и целей людей.

В политическом плане наиболее значимыми являются некоторые профессиональные субкультуры (бизнеса, чиновничества, военных, научного экспертного сообщества), возрастные (молодежь, ветераны и пенсионеры). Значимость их определяется как электоральными возможностями, так и другими формами социального капитала. Своей спецификой обладают и субкультуры политической элиты, иногда сознательно отделяющие себя от общего социума местом проживания, формами досуга, системой образования и т. д.

В целостной системе культуры общества политический опыт играет особую роль, обеспечивая совокупное единство этой системы. Политика в чем-то аналогична медицине. Так же как целью медицины является обеспечение здоровья (целостности) организма, так и целью политики является обеспечение здоровья (целостности) социума (общественного «организма»). Более полное содержание аналогии см. Табл. 1

Таблица 1.

Аналогия медицины и политики

<i>Реальность («лаборатория»)</i>	<i>Суд, оценка («клиника»)</i>	<i>Политическая власть («здравоохранение»)</i>
Фактические данные	Помощь, консультация любому	Доступные формы политического участия, самоорганизации (доступные населению услуги)
 <p>Самоорганизация («самолечение»)</p>		
Конфликты	Кодекс правил, норм, присяги, клятвы	Корпоративность профессионального сообщества, политического класса Обеспечение справедливости, дистанцирование в позиции «Третьего». Не м.б. беспредельного сострадания
<ul style="list-style-type: none"> - Интерпретация: сведение единичного и общего (квалификация), использование терминов, нарративы, аргументация - Решение (practical reasoning), риск, т.к. при дефиците времени и информации - Реализация решения = Событие 		

Доверие		Необходимость гражданских инстанций, перед которыми исполнительные институты несут ответственность. Публичность, прозрачность. Роль СМИ.
Больной хочет выздороветь и имеет право знать диагноз и лечение.	Врач стремится излечить и сохранить тайну.	
Гражданин хочет решить проблему и знать способ ее решения	Власть хочет разрешить конфликт (проблему).	
Риск		
Больной не должен требовать бессмертия	Врач не должен злоупотреблять слабостью, незнанием и зависимостью больного.	
Гражданин не должен требовать решения исключительно в свою пользу.	Власть (суд) не должна злоупотреблять зависимостью гражданина.	

Это означает, что политика – не просто одна из подсистем социальной культуры, а одновременно, при этом и некий ее системообразующий принцип. Тем самым политическая культура:

- обеспечивает воспроизводство политической жизни, ее преемственность и развитие;

– участвует в социализации личности, усвоении ею норм и ценностей политической жизни конкретного общества, открывая личности возможность участвовать в жизни общества, реализовывать свои интересы в соответствии с принятыми политическими нормами, правилами;

- способствует обретению личностью сопричастности политической общности;
- выступает средством консолидации социальных сил и общества в целом.

В анализе и изучении политической культуры, таким образом, важны не только ценностные ориентации в поведении – в характере политической культуры необходимо учитывать также роль норм, институтов, политической системы, неоднозначность взаимоотношения политической культуры и политической системы, их взаимовлияние. Важны также учет динамики политической культуры, различных темпов ее регионального развития, наличие и роль этнических, религиозных, возрастных, гендерных субкультур.

Тем самым, на первый план в формировании и развитии политических культур выходят:

- ценностно-нормативные факторы формирования и развития общества
- стадии институционализации ценностно-нормативных комплексов культуры
- взаимосвязь политических и деловых национальных культур с субкультурами, включая организационные и корпоративные культуры.

Традиционная типология политических культур, ее критика и модификации

Политическая культура, являясь системой порождения, хранения и трансляции политического опыта, выступает как совокупность ценностей и норм, обеспечивающих формирование, сохранение и развитие общества. А, поскольку любая культура реализуется в сознании и поведении ее носителей, то и политическая культура выражается в соответствующем политическом сознании и поведении социальных групп и отдельных личностей. Поэтому нередко под политической культурой понимают политическое поведение в зависимости от ценностных ориентаций. Так, Т. Парсонс и Э. Шилз определили политическую культуру как систему ценностей, глубоко укорененных в сознании мотиваций (ориентаций и установок), регулирующих поведение людей в ситуациях, имеющих отношение к политике. Р. Карр и М. Бернштейн определили политическую культуру как установочную и поведенческую матрицу, способ политического поведения социальной группы и природу политических верований и ценностей ее членов.

Современное значение термина «политическая культура» в 1956 г было предложено Г. Алмондом – «как специфические модели ориентаций на политические действия».¹ В 1963 году Г. Алмондом и С. Вербой была предложена типология политических культур, выработанная ими на основе анализа политических систем Великобритании, Италии, Мексики, США и ФРГ), и которая традиционно рассматривается в качестве базовой в анализе политических культур. Политическая культура, по их замыслу, может быть представлена как «специфическое распределение типов ориентаций (patterns of orientations) по отношению к политическим объектам среди членов той или иной нации»². Понимаемую таким образом политическую культуру можно «измерять» с помощью репрезентативных опросов, проводить сравнительные межстрановые и кросс-темпоральные исследования, подвергать полученные результаты статистическому анализу с целью проверки гипотез и т. д. Возможность применения количественных методов считается несомненным преимуществом данной концепции. Кроме того, данный подход позволяет изучать политическую культуру во всей ее сложности, выявляя сосуществующие в обществе субкультуры и фиксируя их соотношение и динамику.

Г. Алмонд и С. Верба выделяли три чистых типа политических культур:

● Приходская, патриархальная (parochial culture) – ориентация на жизнь рода, деревни, округа, конфессии, отсутствие интереса к политике, политической жизни.

● Подданическая (subject culture) – пассивное и отстраненное отношение к политической системе, без стремления изменять что-либо, участие в политической жизни (в т. ч. – сознательно) «по традиции», «ритуально».

● Участническая (participant culture) – активистский тип, где граждане проявляют интерес к участию в политической жизни, стремятся направлять деятельность власти, воздействовать на нее, используя законные способы влияния, включая протесты.

Чистые типы в реальной политической жизни встречаются чрезвычайно редко. Чаще имеет место их смешение, наложение, распределение по субкультурам. Например, представители делового мира или также молодежь, могут демонстрировать активную культуру участия,

¹ Almond G. Comparative Political Systems // Journal of Politics. 1956. Vol.18. №3. P. 396.

² Almond G., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. London, etc., 1989. P.13. (Впервые опубликовано в 1963 г. Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963). См. также: Алмонд Г. А., Верба С. Гражданская культура. Подход к изучению политической культуры. (I). //Полития, № 2 (57) 2010, С. 122–144.

тогда как некоторые другие группы (профессиональные, возрастные, этнические, гендерные, региональные) могут склоняться к культуре приходского типа. Оптимальной Г. Алмонд и С. Верба полагают смешанный тип – «культуру гражданственности», свойственную Великобритании и США, с соотношением чистых типов 1:3:6. Для модернизирующегося авторитаризма такое соотношение будет 3:6:1, а для демократии, установленной сверху 55:40:5.

Эта интерпретация давала возможность операционализации концепта политической культуры, и что немаловажно – использования количественных методов измерения политических культур. Тем не менее этот подход уязвим для критики.

Во-первых, он основан на интерпретации культуры как системы ценностных ориентаций вне учета факторов, порождающих эти ориентации. Политическая культура понимается как *совокупность социально-психологических свойств (мотиваций), которые проявляются на индивидуальном уровне*, будучи следствием сходного политического опыта или исторических условий социальной группы. Такой подход свойствен методологическому индивидуализму, доминирующему в англо-американской политической науке. Именно он и был реализован Г. Алмондом и С. Вербой вполне в парсоновском стиле: а именно, как политическая система интернализуется (переводится в субъективный план сознания личности) в когнитивных представлениях, чувствах и оценках населения.

Во-вторых, в рамках таких представлений трудно показать связь между социально-психологическими установками индивидов и развитием политических институтов. При этом, культурные измерения политики отнюдь не сводятся к психологическим феноменам, ориентациям.

В-третьих, такой подход игнорирует различия исторического контекста и носит отчетливо оценочный (если не апологетический) характер, определяя степень близости к поведению, свойственному гражданам развитых демократий. Авторы не учитывали различные исторические и общекультурные традиции, а так же разную смысловую нагрузку терминов, что приводило к парадоксальным выводам: так, получалось, что политическая культура США и Великобритании во многом сходна с культурой СССР с его активностью граждан на выборах. Действительно, если к понятию культуры участия подходить формально, то к ней можно отнести и культуру подданническую, которой может быть свойственна большая степень участия, которое может быть навязанным, как это было, например, в том же СССР. Другой разговор, что это участие было не добровольное и не гражданское: низкий интерес и высокое участие могут сочетаться только в случае принуждения или ритуализации. Но заложенные в модели критерии эту специфику не улавливают.

Позже Г. Алмонд предложил другую типологию, разделив политические культуры на два типа: поляризованный и консенсусный. Однако эта типология тем более нуждалась в конкретном наполнении ее характеристик относительно проблем и природы поляризации и консенсуса (интеграции) социума. А главное – этот подход также оставлял политической культуре статус сугубо психологического феномена, не выходя из рамки, в лучшем случае, социальной психологии.

Впоследствии базовая концепция была дополнена и развита У. Розенбаумом,³ дополнившим ее видами ориентации на политические объекты:

- относительно институтов государства (относительно политического режима, реакции на его решения);
- относительно «других» (политическая идентичность, доверие, отношение к «правилам игры»);
- относительно собственной политической деятельности (политическая компетентность и активность).

³ Rosenbaum W. A. Political Culture: Basic Concept in Political Science. N.Y., 1975.

По степени консенсуса в обществе между его членами касательно вопросов политического устройства и определения правил политической «игры», У. Розенбаум выделил два крайних положения общества для такой модели: фрагментарное и интегрированное общество. Для фрагментарного общества по У. Розенбауму характерно: отсутствие какого-либо единого согласованного решения касательно политического устройства страны, следующее из этого нестабильное положение правительства, минимальный уровень доверия между общественными группами, отсутствие всеми принятых процедур улаживания социальных конфликтов. Для интегрированного типа общества характерно прямо противоположное: развитое гражданское общество, непротиворечивость и согласованность политических идентификаций, улаживание возникающих социальных конфликтов при помощи гражданских процедур, высокий уровень доверия среди общественных групп, лояльность в отношении существующего политического режима, а также низкий уровень политического насилия. Что примечательно, такой тип политической культуры присущ и поддерживается в странах с высоким уровнем образования и материальной обеспеченности граждан.

Эти идеи были дополнены в 1980-х Д. Каванахом⁴, предложившим различие гомогенных (однородных) политических культур, которым свойственно единство общества, толерантность, и культур фрагментарные с их конфликтной оппозиционностью субкультур. Помимо двух чистых типов, Д. Каванах выделил «смешанную» политическую культуру, которая обладает ценностными ориентациями, отличными от ценностей и норм установленного режима, а также «искусственно гомогенную» политическую культуру, которая характеризуется своим подданническим характером, одновременно соединенным с мобилизованным участием. Данная типология носит отчетливо выраженные черты теории *ad hoc* – подгонки под классическую типологию и одновременно – под ту реальность, которая в нее не укладывается.

В 1990-х гг. голландские исследователи Ф. Хьюнкс и Ф. Хикспурс предприняли попытку усовершенствовать типологию Г. Алмонда и С. Вербы, выделив три переменные: интерес к политике, легитимность и участие.⁵ Каждый из этих факторов был операционализирован и при измерении классифицирован на высокие, средние и низкие показатели. По результатам комбинаций измерений признаков авторами были выделены пассивные и активные политические культуры. Тем самым была сохранена преемственность с идеей Г. Алмонда и С. Вербы, что основной функцией политической культуры является регулирование активности политического участия, а основание для классификации политических культур – суть активность политического поведения.

Такой подход стал очевидным вкладом в операционализацию традиционного понимания политической культуры. Хотя и он оказался достаточно уязвим для критики. Так, вряд ли приходская культура обладает низкой легитимностью. Она соответствует авторитарному режиму и традиционной легитимности, где доверие не зависит от политической компетентности носителей этой культуры. Скорее можно говорить о комбинации низкого интереса, высокой легитимности и низкого участия. Наверное, нельзя отрицать и вариант, в котором все индикаторы могут иметь низкие значения: его можно рассматривать как «нулевой» уровень развития политической культуры, как политическое бескультурье. Более того, в этой типологии, Кроме того, в предложенной типологии автономная политическая культура и политическая культура участия оказываются вариантами протестной – средний или высокий интерес, низкая легитимность, высокое участие. Но протестной культуре свойствен больший интерес, чем заложен в типологию. У протестующих по определению не может быть низкого интереса к политике, т. к. протест является и результатом этого интереса и стимулом для реализации нового интереса.

⁴ *Kavanagh D.* Political Science and Political Behavior. London: Allen & Unwin, 1983.

⁵ *Heunks F., Hikspoors F.* Political culture 1960–1990 // Values in Western Societies /ed. by de Moor R. Tilburg, 1995, p. 51–82.

Таким образом, в развитии традиционной модели политической культуры четко прослеживается тренд к накоплению *ad hoc* и выходу за рамки социальной психологии.

Попытки преодолеть сугубо психологическое понимание политической культуры как ориентации политического поведения индивидов предпринимались неоднократно. Можно выделить в этой связи две тенденции.

Первая тенденция связана с «социентальным» подходом к рассмотрению политической культуры как характеристики социальных групп, которая укоренена в социальных практиках и функционировании институтов. В этом случае в центре внимания оказывается влияние экономических и правовых факторов развития политической культуры. Примерами прослеживания такой взаимосвязи могут служить как ранние работы советских марксистов, в которых политическая культура сводится к политической системе, так и более зрелые работы отечественных обществоведов и историков⁶. За рубежом также предпринимались попытки сведения политической культуры к политической системе.⁷ Другим примером преодоления субъектно-психологического понимания политической культуры является институциональный подход.⁸ Однако, в контексте развитости в политических науках понятий «политическая система», «политическая структура», «политические организации», идея политической культуры как их аналога оказалась излишней.⁹

Вторая тенденция связана с рассмотрением различных уровней политических культур. На макро-уровне это может быть не только рассмотрением «национальные политические культуры» вроде либо политико-исторических описаний, либо концепций типа «духа нации» И. Гердера¹⁰ или русских славянофилов.¹¹ Более продуктивным в этом плане представляется подход Г. Хофстеде¹² и Р. Льюиса¹³, предложивших типологии национальных деловых культур, которые выработаны на основе анализа практики международных и кросс-культурных коммуникаций. Более того, важно также различие между основной политической культурой и субкультурами определенных социальных групп и регионов, которые отличаются от доминирующей в обществе культуры: классовые, этнические, религиозные, региональные политические культуры.

На микро-уровне политической культуры существуют специфические культуры политических организаций: государственных учреждений, политических партий, общественных,

⁶ Пивоваров Ю. С. Политическая культура: Методологический очерк. М.: ИНИОН, 1996; Пивоваров Ю. С. Русская политическая культура и political culture: (Общество, власть, Ленин) // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 23–50; Бочаров В. В. Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки. М.: Наука, 1992.

⁷ Формизано Р. Понятие политической культуры // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 111–146. Kim Y. C. The Concept of Political Culture in Comparative Politics // The Journal of Politics. 1964. Vol. 26. N 2. P. 313–336; Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979; Боднер А. Политическая культура общества и ее обусловленности // Политология вчера и сегодня. М., 1990, с. 216–229.

⁸ Паттизм Р. Чтобы демократия сработала: Гражданские традиции в Современной Италии / Пер. с англ. Захаров А. М.: Ad Marginem, 1996.

⁹ Дюка А. В. Политическая культура – поиски теоретических оснований. // ПОЛИТЭКС. 2006, № 1, с. 7–30.

¹⁰ Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977.

¹¹ См. также: Emmerson D. K. Indonesia's Elite: Political Culture and Cultural Politics. Ithaca and London: Cornell University Press, 1976; Emmerson D. K. Indonesia's Elite: Political Culture and Cultural Politics. Ithaca and London: Cornell University Press, 1987.

¹² Hofstede G. Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. 2nd Edition, Thousand Oaks (ca): Sage Publications, 2001; url: http://www.geert-hofstede.com/geert-hofstede_resources.shtml; Hofstede g., Hofstede g. j., Michael Minkov m. Cultures and Organizations: Software of the Mind. 3rd Edition, McGrawHill usa, 2010; url: http://www.geert-hofstede.com/geert-hofstede_resources.shtml; Hofstede g., Hofstede g. j., Michael Minkov m. Cultures and Organizations: Software of the Mind. 3rd Edition, McGraw-Hill usa, 2010.

¹³ Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. – м., 1999.

некоммерческих организаций и т. д. В этом плане открывается перспектива использования хорошо развитых типологий корпоративных (организационных) деловых (бизнес) культур.¹⁴

В этой связи можно говорить, что главная проблема концептуализации политической культуры заключается в интеграции ценностно-психологического и институционально-социологического подходов. Кроме того, такая интеграция должна открывать возможность единого анализа политической культуры на макро— и микро-уровнях.

Таким образом, речь идет о необходимости реализации междисциплинарного (мультидисциплинарного) подхода, открывающего перспективы единой концептуализации ценностно-мотивационного и нормативно-институционального анализа политической культуры на ее макро— и микро-уровнях. Такой интегральный мультидисциплинарный подход должен сохранять возможность операционализации понятия политической культуры, использования количественных методов ее измерения и рассмотрения ее динамики.

Именно в этом и состоит главная цель этого раздела – предложить модель политической культуры, интегрирующую в целостное единство ценностный (психологический, мотивационный) и нормативный (институциональный) подходы в трактовке политической культуры. И крайне желательно, чтобы такая модель обеспечивала операционализацию существенных характеристик политической культуры.

Забегая вперед, можно сказать, что такая предлагаемая модель основана стимулирована идеями и результатами многолетней международной программы исследований World Value Survey, осуществленной Р. Инглхартом и его коллегами¹⁵, неоинституционализмом Д. Норта¹⁶, рядом идей П. Сорокина¹⁷, Г. Шека¹⁸, П. Рикера¹⁹. Первый набросок такой модели был опубликован ранее в ряде статей.²⁰

¹⁴ *Камерон К., Куинн Р.* Диагностика и изменение организационной культуры. – СПб., 2001. URL: <http://corpculture.ru/content/tipologiya-korporativnykh-kultur-k-kamerona-i-g-kuinna>; Шихирев п. н. Введение в российскую деловую культуру. – м... 2000.

¹⁵ *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия. М.: Новое издательство, 2011.

¹⁶ *Норт Д.* Понимание процесса экономических изменений. М.: ВШЭ, 2010; Норт Д., Уоллис Д., Вайнгайт Б. Насилие и социальные порядки. М.: Ин-т Гайдара, 2011.

¹⁷ *Сорокин П.* Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006.

¹⁸ *Шек Х.* Зависть. Теория социального поведения. М., 2010.

¹⁹ *Рикер П.* Справедливое. М.: Логос, 2005.

²⁰ *Тульчинский Г. Л.* Политическая культура на осях ценностно-нормативной модели социогенеза. // *Философские науки.* 2013, № 1, с. 24–38; Тульчинский Г. Л. Политическая культура как ресурс и барьер развития российского общества. // *Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 7, Часть II.* М.: ИНИОН РАН, 2012, с. 395–401. Тульчинский Г. Л. Факторы социогенеза: человеческое, слишком человеческое в политической культуре. // *Человек, культура, образование.* 2011, № 2, с. 5–14.

Ценностно-нормативная модель социогенеза и политические культуры

Представляется полезным обратиться к концептуальному опыту общей теории культуры (культурологии), в которой выработано (и доминирует) понимание культуры как внешнего «кода», усваиваемого личностью. В этом случае акцент переносится из субъективного плана в объективный, открывая возможность рассмотрения их взаимодействия, позволяя выявлять и отслеживать причинно-следственные отношения в формировании и развитии политической культуры, что, как следствие, открывает возможность воздействия на эти процессы. Действительно, если рассматривать культуру как нечто, формирующее личность, ее оценки, отношения и установки, то целесообразно сначала рассмотреть само это нечто, его содержание и структуру. И очевидно, что это «нечто» имеет социальную природу, связано с регулирующим воздействием социума на личность. В культуре и с помощью культуры реализуются как социальность личности, так и личность социума, который существует только благодаря индивидам-носителям определенной культуры.

Политическая культура, являясь системой порождения, хранения и трансляции политического опыта, выступает как совокупность ценностей и норм, обеспечивающих формирование, сохранение и развитие общества. И в самой истории формирования и использования концепта политической культуры можно обнаружить, с одной стороны, – ее чрезвычайно перспективное ядро, позволяющее строить достаточно ясные модели, а с другой, – на этой основе проследить четкие и конструктивные перспективы междисциплинарных исследований.²¹

Без опоры на реальное знание реального исторического опыта, механизмов его порождения, хранения и трансляции, конкретных социально-культурных технологий, учитывающих это знание, принятие решений и попытки их реализации оказываются не только малоэффективными, но и усугубляющими негативные тенденции развития общества. В полной мере относится это и к проблеме социальных институтов, необходимости институциональной модернизации. Социальные институты в политике являются продуктом институционализации, т. е. возникновения, роста, «кристаллизации», а то и выращивания из социально-культурного бэкграунда. Именно так поступал в свое время Петр I, а в новейшее время Ли Куан-ю в Сингапуре.

Конкретизировать представление о динамике политических институтов можно с помощью понятия нормативно-ценностных систем деятельности как подсистем социальной практики.²² Нормативно-ценностные системы (НЦС) определяются:

- во-первых, ценностным компонентом, который складывается из предмета, целей и средств деятельности;
- во-вторых, нормативным компонентом (правилами, регулирующими осуществление деятельности);
- в-третьих, поскольку речь идет о системах социальной практической деятельности, способом организации коллективной деятельности социального субъекта.

Понятие НЦС позволяет раскрыть механизм культуры как системы внебиологического наследования опыта и информации, как системы хранения и трансляции идей. Именно НЦС выступают в качестве «социальной памяти», «исторической коллективной памяти», «надивидуальной системой информации» и т. д. В процессе жизнедеятельности человек участвует в самых различных НЦС. Практически вся социально-практическая деятельность может быть

²¹ Тульчинский Г. Л. Этапы политической институционализации: от идеи к институту. // Политические институты в современном мире. СПб: Аллегро, 2010, с. 358–360

²² Тульчинский Г. Л. Идеи: источники, динамика и логическое содержание // История идей как методология гуманитарных исследований. Часть 1. – СПб, 2001, с. 28–58.

представлена как совокупность НЦС в сфере производства, быта, отдыха, науки и т. д. Важнейшую роль играют НЦС политики, поскольку их функцией является обеспечение целостности и успешного развития не только их самих, но и общества в целом.

Понятие НЦС позволяет преодолеть «дилемму» феноменологизма (психологизма) и трансцендентализма, концептуализма и менеджериализма в динамике политических институтов. В НЦС сопрягаются функционально-деятельностные, идеологические и социальные (организационные и личностные) факторы формирования и развития политической сферы. НЦС формируются, дифференцируются и специализируются по мере развития цивилизации и специализации видов деятельности.

Особый интерес представляет рассмотрение социальной организации НЦС как общностей людей. Они могут иметь формальную (т. е. определенную закрепленными функциями и связями, правами и обязанностями, инструкциями, отношениями координации и субординации, средствами контроля и стимулирования) и неформальную (основанную на межличностных взаимоотношениях) организационную сторону деятельности.

При рассмотрении НЦС под этим углом зрения выявляется динамика развития форм организации НЦС, каждая из которых проходит путь от нерегулярной случайной общности людей (типа «тусовки») до формирования социальных институтов, являющихся наиболее развитой формой организации НЦС. Характерными чертами социальных институтов являются:

- то, что они возникают на стадии достаточно дифференцированной общественной практики, когда на основе разделения труда выделяются НЦС, связанные с достижением социально-значимых целей;
- то, что в этих НЦС доминирует формальная сторона организации, закрепленная в специальных положениях, уставах и т. д., регламентирующих функционирование систем;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.